

Заметки по эсхатологии повседневной жизни

В. Ю. Ирхин, М. И. Кацнельсон

(Получена 14 февраля 2005; исправлена 15 февраля 2005; опубликована 15 марта 2005)

Обсуждаются соответствия между апокалиптическими пророчествами, содержащимися в канонических текстах различных религий, и современной ситуацией в российской и западной общественной жизни. Утрата смыслов, которая, в сущности, является главным признаком "конца мира", иллюстрируется на ряде примеров: проблема "generation gap" ("отцов и детей"), роль денег в нашем мире, кризисные явления в современной науке. Подчеркивается возможность решения "эсхатологических" проблем для конкретного человека, но, к сожалению, не для общества в целом.

Я интересуюсь: здесь никого не волнует, что после смерти он попадет прямо в ад?

(Ч. Паланик. Колыбельная)

Открыть окно – что жилы отворить.

(Б. Пастернак. Разрыв)

Как всегда на рубеже тысячелетий, эсхатология становится царицей наук, потеснив на этом почетном месте математику. Люди с «духовными запросами», люди со слабыми нервами, наконец, просто люди с длинным (хочется добавить – и раздвоенным) языком непрерывно обсуждают в устной и письменной форме грядущий конец света.

Знамения, предсказанные в Евангелии, действительно многочисленны и недвусмысленны. На каждом шагу появляются чудотворцы, пророки, предсказатели и гадалки разного уровня; иногда это выглядит нелепо, но все равно как-то работает и определяет жизнь общества. Редкая газета может отказаться от печатания гороскопов (даже интеллигентные «Известия»). Особый всплеск этих явлений в России произошел на катастрофическом разломе, связанном с началом перестройки. Тогда в большом количестве освободилась энергия, а люди были полны искреннего энтузиазма и жажды помочь друг другу, причем многое действительно получалось. Некоторые герои того времени бесславно погибли или стали постоянными пациентами психдиспансеров, а другие исчезли с горизонта, занявшись серьезной внутренней работой и перестав увлекаться внешними эффектами. Теперь все как-то скучнее. На фоне наших серых будней неумолимо проступают запутанные закономерности судьбы, которые ведут к ощущению внешнего давления, несвободы и обреченности. Мистическими и экстрасенсорными способностями уже никого не удивишь: они проявляются вплоть до самого бытового уровня, часто вызывая привычную тошноту.

Писания различных религий содержат обширный материал на эту захватывающую тему – пророческие книги Ветхого Завета, Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), апокрифические еврейские апокалипсисы, в изобилии появившиеся на рубеже нашей эры, Коран, книги зороастризма, буддийские тексты (сутра «Львиный рык миродержца» [1], третий раздел Абхидхармакоши [2]...). Не останавливаясь на широко известных (хотя, как правило, крайне поверхностно воспринятых) апокалиптических и евангельских пророчествах, приведем ряд цитат из текстов западной и восточной традиций:

«И истлеет все небесное воинство (звезды); и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист – со смоковницы» (Исаия 34:4).

«В период, когда малая кальпа подходит к концу, люди, продолжительность жизни которых – десять лет, одержимы безнравственными влечениями, крайней жадностью и ложными учениями. Злоба их настолько сильна, что, когда они видят друг друга, как охотник на оленей – лесную антилопу, их быстро охватывает чувство ненависти и отвращения. Все, что ни попадется им под руку – палка, комья земли и т.п., – становится для них *оружием*, с помощью которого они лишают друг друга жизни» (Абхидхармакоша 3.99).

«Переходим из века сего, как саранча, жизнь наша проходит в страхе и ужасе, и мы сделались недостойными милосердия... Чем больше будешь испытывать, тем больше будешь удивляться; потому что быстро спешит век сей к своему исходу» (3 кн. Ездры 4:24).

«И когда дунут в трубу единым дуновением, и спасена будет земля и горы, и раздроблены единым дроблением, – вот в тот день падет падающее, и небо расколется, и будет оно в тот день слабым» (Коран 69:13-16).

Реальность, отраженная в писаниях, находится вне времени. Некоторые фрагменты древних текстов, составленных много столетий назад в далеких землях, звучат пугающе актуально, почти как злободневная политическая публицистика:

В худой стране и народ-то убогий.
Стараются нажить себе побольше вещей,
а пользоваться ими уже времени нет.
Гнетет их страх смерти,
страшатся они любых перемен.
Хоть и имеют лодки и экипажи,
да некому в них ездить.
Хоть и есть у них войска и оружие,
да некому привести их в порядок.
Сами же только и мечтают о былом,
что хорошо бы вновь всем *вернуться*
к завязыванию узелков на веревке вместо письма.
(Дао Дэ Цзин 80)

В принципе, острый интерес к эсхатологической проблематике обоснован, оправдан и (потенциально) спасителен – даже корабельные крысы проявляют естественное беспокойство в предвидении скорого кораблекрушения. Человек же – не гораздо ли лучше крысы? «Лучше», во всяком случае потенциально – в обыденной жизни бывает, как известно, всякое. Тексты обращены к *внутреннему* человеку, внутренней же крысы не существует; крыса *не* создана по образу и подобию Божию, и перед ней *не* стоит задача «стать Богом». При чисто *внешнем* отношении к опасности различие между этими двумя видами живых существ стирается. Крысам даже легче, они могут надеяться сойти на берег или перейти на другой корабль (кстати, символ церкви). Перед людьми, в принципе, тоже открыты два пути. Первый путь, со сменой корабля – это построить, по известному

анекдоту, большой ероплан и улететь на нем на хрен. Таким стремлением были в значительной степени мотивированы русские философы – основоположники теоретической космонавтики (основоположники космонавтики практической были люди попроще, они всего лишь делали оружие для будущей смертельной схватки двух систем, т.е. проводили подготовительную работу скорее к гибели человечества, чем к его спасению). Второй путь – это все-таки сойти с корабля на Берег. К сожалению, пускают туда строго в индивидуальном порядке – коллективного спасения не бывает. Здесь не поможет ни людской эгоизм, ни церковное предание, ни человеческие линии преемственности:

«Надеющиеся на силы свои и хвляющиеся множеством богатства своего! Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него... В мыслях у них, что дома их вечны, и что жилища их в род и род, и земли свои они называют своими именами. Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают. Этот путь их есть безумие их, хотя последующие за ними одобряют мнение их. Как овец, заключают их в преисподнюю; смерть будет пасти их, и на утро праведники будут властвовать над ними; сила их истощится; могила - жилище их. Но Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет *меня*... Хотя при жизни он ублажает душу свою, и прославляют тебя, что ты удовлетворяешь себе, но он пойдет к роду отцов своих, которые никогда не увидят света»

(Псалтирь 48:7-20).

Стадо идет напрямик в ад; в новом (постапокалиптическом) мире простодушные овцы также не обретут счастья и свободы.

Инструкции для желающих сойти на берег изложены в Библии и других священных текстах. Их составители, описывая грядущее кораблекрушение, вряд ли стремились просто сочинить ужастик поинтереснее, и среди самых страшных признаков Конца – люди, с упоением смотрящие очередной фильм-катастрофу (думают, наивные, что это все понарошку) или зачитывающиеся наукообразными конспирологическими книжками (кругом враги, а в центре – ты сам и *свои*, все как один белые и пушистые). В действительности конец света, как и разруха (см. М. Булгаков, Собачье сердце) – в головах и сердцах. И происходит он, как и спасение, строго в индивидуальном порядке. Для кого – конец света, а для кого – совсем наоборот.

Лишь для нас, людей, различно

Наступает время года:

У одних зима седая,

У других весна в расцвете.

(Г. Гейне. Бимини)

К сожалению, как правильно учили классики марксизма, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (В. И. Ленин). Обществу тварей, конечно, не по зубам тягаться с замыслом Творца и совсем отменить возможность личного спасения. Но оно может максимально затруднить его, что и происходит в «последние времена». Путь к спасению, «врата тесные» – *только* внутри, через обитающего в нас, по слову ап. Павла, Христа (2 Кор.13:5). Последние времена потому и последние, что все усилия подавляющего большинства людей в эти времена направлены *только наружу* («врата широкие»):

«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13,14).

Физиологически люди последних времен – это те же самые представители рода *Homo Sapiens* (впрочем, есть и биологические изменения – например, прекратилась акселерация, сильно интриговавшая ученых в XX веке); но человек не сводится к биологии. Согласно Библии, человек трехчастен – состоит из духа, души и тела. У «новых людей» душа, вроде бы, есть, но... как бы это сказать... Ну, скажем, вот так:

«И начал себя бездельным обычаем спрашивать, точно ли один человек обладает душою, и нет ли таковой у гадов земных! И, взяв лягушку, исследовал. И по исследовании нашел: точно; душа есть и у лягушки, токмо малая видом и не бессмертная» (М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Тело, да, есть, тут уж никаких сомнений. Оно есть у всех, и забыть об этом вам не дадут. Вам непрерывно будут напоминать, что оно нуждается в дезодорантах (потому что воняет), прокладках, памперсах (потому что... ну, вы поняли); еда, одежда, жвачка и т.п., как говорится, не обсуждаются. Какой уж тут образ и подобие Божие...

«Как ни включаю телевизор, так сразу же моча начинает соприкасаться с кожей» (В. Пелевин, *Generation П*).

Таким образом, метафизически (на уровне дух-душа-тело) «новые люди» уже не совсем люди. В этом смысле можно сказать, что наступление новой шестой расы, предсказанное теософами, действительно состоялось – на улицах городов доминируют новые молодые люди с совершенно другими интересами. Они обладают сверхпотребностями в области развлечений и получения удовольствий (до успешной реализации дело часто не доходит) и совершенно не склонны к рефлексии и умственной жвачке, которые служили тормозом для раскрытия “классической” духовности.

При луне я сам их видел:
Высунут из нор головки
И, приняхиваясь, смотрят.
Страшно будущее наше!
(Г. Гейне. Атта Тролль)

Однако не стоит здесь слишком брюзжать: иногда их здоровый эгоизм, необязательность, легкомыслие и жизнелюбие, на которые не способна уходящая интеллигенция, могут казаться очень даже милыми (особенно если смотреть как зритель со стороны, не вступая в тесные отношения).

Книги выходят из употребления, основным средством личного роста становится компьютер. Новые вундеркинды реализуют себя преимущественно в области маркетинга и менеджмента (одновременно это – главные приложения математического образования), широко проходят олимпиады по бухгалтерскому делу. Лучшие помещения университетов (даже таких, как МГУ) занимают Школы Бизнеса. Здесь предыдущее поколение на достижения нового может смотреть только с бессильной завистью. Налицо (без шуток) признаки новой духовности; соответствующие проявления в психологической сфере – действительно развитые экстрасенсорные возможности: что-то кому-то впарить с

невинными детскими глазами; совершенно не напрягаясь и не заботясь о “плодах и заслугах”, интуитивно (по дурочке) осуществить блестящую финансовую комбинацию, чтобы затем в одночасье все просадить в казино где-нибудь на Лазурном берегу.

В последнее время в оккультных кругах приобрела популярность тема «индиго-детей» (цвет индиго – темно-синий – будто бы характерен для ауры этих «новых людей», по наблюдениям первооткрывательницы – американской ясновидящей Н. Э. Тейпп), которая привлекла также внимание некоторых психологов и педагогов (см., напр., книгу [3]). Описания некоторых психологических особенностей «новых детей», взятые из этой книги, производят достаточно сильное впечатление:

«Индиго – это компьютеризированные дети, а это значит, что в своих поступках они руководствуются больше головой, чем сердцем. Я думаю, что эти дети приходят с неким набором правил ментальной визуализации. Они знают: если смогут что-то пометить, это будет им принадлежать... Это технологически ориентированные дети, что наталкивает меня на мысль: развитие технологии в ближайшие десять лет достигнет такого уровня, о котором мы не смели даже мечтать. В возрасте трех-четырёх лет эти дети понимают компьютер так, как не могут иные взрослые в 65 <...> В современных условиях Детям Индиго живется трудновато. Существующая система воспитания порой настолько неприемлема для них, что в отдельных случаях эти дети могут стать способными даже на убийство... Все дети, убивавшие своих школьных товарищей или родителей, которых я так или иначе наблюдала, – были из числа Индиго. <...> В них нет страха, потому что они знают, кто они такие. Они верят в себя.»

Справедливости ради отметим, что кроме потенциальной жестокости отмечаются многие гораздо более привлекательные черты «детей Индиго» – развитая интуиция, обостренная восприимчивость, творческие способности, умение добиваться поставленных целей. Интересно, что пришествие описанной новой расы (по данным первооткрывательницы, 90% детей, рожденных после середины 80-х, принадлежат к этой категории) оценивается в публикациях “эзотерической” направленности как целиком и полностью позитивное явление, прорыв в развитии человечества и т.д. Ранее проблема «разрыва поколений» анализировалась многими писателями-фантастами – «Конец детства» А. Кларка, «Хризалиды» и «Кукушки Мидвича» Дж. Уиндема, «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких, многие рассказы Р. Брэдбери, в том числе страшный «Вельд». Серьезные и, как всегда, актуальные предостережения можно найти в Библии, которая, в отличие от оккультистов, предостерегает наступление новой эры без всякого восторга и даже оптимизма:

«И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними» (Исаия 3:4).

«Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указания и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе» (Исаия 8:18).

«Теперь пойди, начертай это на доске у них, и впиши это в книгу, чтобы *осталось на будущее время*, навсегда, навеки. Ибо это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня» (Исаия 30:8,9).

«Господу они изменили, потому что родили чужих детей; ныне *новый месяц* поест их с их имуществом» (Осия 5:7).

Опять-таки, мы ни в коем случае не хотим упростить эту чрезвычайно важную и в действительности очень запутанную проблему. Старые поколения (то есть мы с вами, любезные читатели) тоже, знаете, не булочки с изюмом. Диктат общества, стремление «обстругивать» детей по своему образу и подобию, не давая им достаточно любви, служит чуть ли не основным препятствием для их духовного роста. Желаящим узнать более подробно, что думают обо всем этом авторы, можно порекомендовать нашу книгу [4], гл. 5.

«Волчица говорит своим волчатам: «Кусайте, как я», и этого достаточно, и зайчиха учит зайчат: «Удирайте, как я», и этого тоже достаточно, но человек-то учит детеныша: «Думай, как я», а это уже – преступление» (А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди).

В то же время, *полный* разрыв традиции, рождение *чужих* детей – измена Господу, преступление и наказание в одном флаконе. Гегелевско-марксистская идея о развитии общества по спирали поворачивается какой-то совершенно немыслимой стороной, как крайнее упрощение внутренней жизни и возврат (после Паскаля, Канта и Кьеркегора, не говоря уж о Христе и Будде), к старо-новому «золотому правилу»: добро – это когда я угнал соседскую корову, зло – когда сосед украл мою корову. И все это – при колоссальном росте технических возможностей для кражи коров (в широком смысле, самом широком...). Последствия очевидны (см. эпиграфы). В этом смысле, вероятно, действительно можно говорить о спирали, но спирали *сужающейся*, каждый следующий виток повторяет предыдущий в каком-то злобно-пародийном виде (по К. Марксу, первый раз – в виде трагедии, второй раз – в виде фарса). Просто плюнуть некуда, чтобы не попасть в очередного маленького Сталина, маленького Гитлера, карманного Чингисхана... Оно, в каком-то смысле, и к лучшему, что – в маленького. И когда наблюдаешь за попытками портативных вождей выстраивать шеренги на фоне космически-грозного явления новой расы – действительно, не понять, трагедия это или фарс.

Богословские споры о том, что есть главный грех – гордыня (согласно многовековой святоотеческой традиции) или сребролюбие (по ап. Павлу – корень всех зол, 1 Тим. 6:10), для современной реальности находят примитивное решение. Новейшие исследования не подтверждают старые экспериментальные данные Настасьи Филипповны (Ф. М. Достоевский, «Идиот»), полученные с помощью изящной методики «деньги-камин-деньги». Многочисленные телевизионные шоу, равно как и события в политической и экономической жизни, показывают с полной убедительностью – современный человек всегда готов публично унизиться за деньги; сребролюбие сильнее гордыни. Для человека традиционного общества такое утверждение безусловно несправедливо, что опять же указывает на серьезные сдвиги в соотношении дух-душа-тело у «нового человека». Деньги становятся решающим фактором не только в экономической (что тривиально), но и в духовной жизни. Более молодая американская цивилизация уже давно погрузилась в этот этап (однако сохранив, хотя бы формально, определенные этические ценности, что дает некую надежду). Теперь, закусив удила, ее успешно обогнала бывшая коммунистическая Россия: маятник дает здесь отмахку до предела. Старая мудрая Европа же грустно и с достоинством отживает свой век.

Если ты стар, но с тугим кошельком,
“Юноша!” – все восклицают кругом.
Если ты юн, но бедняк бедняком,
Все называют тебя стариком.
(Панчатантра)

В последние времена деньги буквально заменяют все этические ценности – они становятся самой притягательной силой, даже более важной, чем секс. Фрейдизм на марше: для современного человека предметы потребления (сотовый телефон, автомобиль...) символизируют... это самое... до такой степени, что воспринимаются как *более* сексуальные, чем сам символизируемый предмет *as it is*, на чем и основана в значительной степени реклама. В действительности важны не материальные эквиваленты денег (золото давным-давно заменено бумажками, а сейчас, с развитием электронных платежей, чем-то совершенно эфемерным и неосязаемым), и уж, конечно, не потребительские качества купленных на них вещей, а *сумма как таковая*, которая автоматически означает меру блаженства. Плосковатую шутку «Счастье не в деньгах, а в их количестве» надо трактовать совершенно буквально. Числа *действительно* правят миром; правда, понимать это нужно таким образом, который в голову бы не пришел Пифагору и Платону (опять сужающаяся спираль!).

«А деньгам это свойство повторяемости, присущее морали и разуму, присуще в самой высокой мере; они прямо-таки состоят из этого свойства и все раскладывают, покуда обладают стабильной ценностью, все наслаждения мира на те кирпичики покупательной способности, из которых можно сложить что угодно» (Р.Музиль. Человек без свойств, гл.106).

Метафизическая основа власти денег на самом деле в том и состоит, что деньги – это числа, платоновская идея, утратившая свое *качество*, свернутая, обработанная и очищенная от бессмертия. Еще раз, в подражание классикам советского периода: деньги есть платоновская идея минус бессмертие. То есть – великие и всемогущие числа, но в приземленном виде вопроса «сколько, сколько?». Впрочем, для современного человека, вероятно, более приемлема формулировка – информация правит миром. Родство денег и информации особенно очевидно в век интернета и электронных платежей. Деньги – не как набор денежный знаков, а как идея («деньговость», если угодно) – играют роль молекулы ДНК современного мира. Раньше все важные хартии (например, договоры с дьяволом) подписывались кровью, сейчас все важные для современного человека события (по существу, все те же старые добрые соглашения с дьяволом) скрепляются платежами. Деньги, как и человеческая кровь (в Библии – синоним души), на самом деле впитывают всю информацию о мире.

Бросайте ж за борт все, что пахнет кровью, –
Поверьте, что цена невысока!
(В. Высоцкий)

Как обычно, истинные тайны мира открываются в первую очередь не умственно и физически крепким реально существующим людям, а вымышленным персонажам, по видимости душевнобольным:

«Попробуем коротко изложить то, что Кика называл “тайной денег”. Деньги, по его мнению, и есть остающаяся от людей “нефть”, та форма, в которой их вложенная в труд жизненная сила существует после смерти. Денег в мире становится все больше, потому что все больше жизней втекает в этот резервуар. Отсюда Кика делает впечатляющий вывод: мировая финансовая клика, манипулирующая денежными потоками, контролирует души мертвых, как египетские маги в фильме “Мумия возвращается” с помощью чар управляют армией Анубиса. <...> Его мысль такова: особенности земного существования

душ, превратившихся после смерти в деньги, отбрасывают тень на жизнь общества, пользующегося этими деньгами. Больше того, такая тень становится своего рода лекалом, по которому новые поколения “делают жизнь”, даже не догадываясь о том, что именно служит им образцом, хотя постоянно держат этот “образец” в руках в самом прямом смысле» (В. Пелевин. Македонская критика французской мысли [5]).

Все это было очевидно уже для древних греков и римлян, отождествлявших владыку царства мертвых Аида (Плутона) с богом богатства. Расчетливо мыслящий, чуждый всякой мистики, твердо стоящий на ногах, знающий что почем, «новый человек» в действительности занимается банальной черной магией, ставя на службу своим потребностям души мертвых, которые запечатаны в деньгах заклетьем не хуже соломонова. На таком фоне «настоящий» оккультизм, при всей своей неприглядности, имеет вид невинной детской игры в крысу, как говаривал по другому поводу Остап Бендер. Кстати, крыса возникает (уже второй раз!) в нашем скромном тексте не зря – это подземный житель, хтоническое существо, владыка мертвых (то есть денег!), царь подземных карликов, приходящих, по свидетельству Гейне (Атта Тролль) на смену человеку.

«Может ли Дух Божий брать мзду и пророчествовать? Это не свойственно пророку Божию, и в поступающих таким образом обитает дух земной» («Пастырь» Гермы).

В действительности, как только что отмечалось – даже не земной, а подземный, то есть все та же крыса. Крысы, как им и положено, прогрызают дыры в ткани мироздания – Идея фиксируется в денежной форме, попадает в подчинение законам тварного мира и умирает. Мир блекнет, выцветает, становится неинтересным. Из него уходит смысл. В конце концов труп мира, лишённого смысла, склеивают слетевшиеся орлы (Мф. 24:28).

Антропологической троице *тело-душа-дух* в современном обществе соответствует триада спорт – массовая культура – наука. Анализировать процессы, происходящие в других сферах (религия или «серьезные» искусство и литература) не имеет смысла, так как никакого реального влияния на жизнь современного человека они не оказывают (не путать религию с церковной политикой и отпущением грехов кающимся по праздникам криминальным авторитетам, а приобщение к классической живописи с туристическими марш-бросками по музеям!). Будучи ограниченными как объемом статьи, так и собственным личным и профессиональным опытом, мы обсудим эсхатологические тенденции на примере современной науки. Впрочем, это оправдано ее действительно уникальной ролью в жизни современного общества.

«Хотя номинально Запад считается христианским, на практике им управляет нечестивый триумvirат – бог богатства Плутон, бог науки Аполлон и бог воров Меркурий. Дело осложняется раздорами и завистью: Меркурий и Плутон поносят друг друга, Аполлон потрясает атомной бомбой, словно молнией громовержца; с тех пор как философы XVIII века провозгласили Век Разума, он воссел на трон Зевса (временно недееспособного) в качестве регента этого триумvirата» (Р. Грейвс. Белая богиня).

В последнее время стало общим местом говорить о тяжелом кризисе российской науки. Правда, обсуждение этих, действительно очень серьезных, проблем ведется на недопустимо примитивном уровне – ребята, дайте денег на науку и побольше, побольше... Оно бы, разумеется, неплохо, но надо совершенно четко понимать недостаточность любых «внешних» мер (например, финансовых вливаний) для оздоровления ситуации.

Россия, как всегда – впереди планеты всей и, в общем, нам не так уж и вдали в советский период, объявляя Россию (Советский Союз) авангардом человечества (аналогичные вещи сейчас любят утверждать эзотерики-теософы). При этом всего лишь скромно умалчивалось, что это – авангард армии, марширующей к пропасти. Явления, проявляющиеся в благополучной европейской и американской науке на уровне тенденций, в России вырастают до огромных размеров, демонстрируя все свое уродство. Но явления-то – одни и те же... Сами по себе материальные проблемы, связанные с социальной политикой, конечно, возникают не впервые.

«Того государя следует осудить за глупость, в чьем царстве нищенствуют прославленные мудрецы, обладающие знаниями, которые достойны быть переданы ученикам, и творящие прекрасные песни, каждое слово которых украшено согласно *шастрам*» (Бхартрикар, Шатакарам, цит. по [6]).

С другой стороны,

«Если бы люди науки отреклись от мира, склонились бы перед ними головы притеснителей и пошел бы за ними народ. Но они расточили свои знания для сынов мира, чтобы добиться таким путем удела из того, что в руках их, унизились они и стали презренными перед людьми» (Фудайл ибн Ийад, цит. по [6]).

Вообще, независимо от социально-политических условий тех или иных стран, в наше время узкая специализация профессиональных ученых привела к резкому сужению их кругозора. Интерес к пониманию основ утрачивается, остается (и возрастает) прагматический интерес к технологии. Это проявляется не только в естествознании, но и, что совсем уж странно, в гуманитарных науках: вместо действительного изучения проблем общества процветает политология (фактически, политтехнология, которая стала профессией большинства философов), вместо изучения глубин человеческой психики – прикладные подходы типа примитивизированного нейро-лингвистического программирования (НЛП). Все это замечательно работает (живущим в России смешно доказывать эффективность политтехнологий как чисто манипулятивных методов, то есть оболванивания), но вот беда – не имеет никакого отношения к истине. В этом смысле можно говорить о расколе научного общественного сознания на «элитарное» (Эйнштейн, Гейзенберг, Паули, положившие много сил и нервов на принципиальные философские основания новой физики) и «массовое».

Массовое сознание мотивировано в основном таким сложным, но неспецифическим для науки феноменом как *мода*. Профессионалу очевидно, что массовые миграции физиков из «тяжелых фермионов» в «высокотемпературную сверхпроводимость», потом в «манганиты с колоссальным магнитосопротивлением» и т.п. в действительности *не* связаны напрямую с практической важностью всех этих областей (хотя она и используется как аргумент для финансирующих организаций и, отчасти, для самоуспокоения). Интересно отметить, что, несмотря на затрачиваемые обществом колоссальные усилия и привлекаемые в науку огромные человеческие ресурсы, крайне редко удается добиться полного понимания изучаемой проблемы. Скорее «господствующие» объяснения меняются по законам моды: пятнадцать лет назад носили зеленые шляпки (объясняли высокотемпературную сверхпроводимость фоновым механизмом), потом перешли на красные (спиновые флуктуации), сейчас снова носят зеленые, потом перейдут на синие, и т.д.

Все это можно, разумеется, сказать и более возвышенным языком. Авторитетный современный философ-научковед И. Лакатос выдвинул концепцию «исследовательской программы» как ключевого понятия, описывающего эффективность тех или иных научных направлений. В несколько вульгаризованной (но все-таки не искажающей основную идею) форме можно сказать, что успешная исследовательская программа обеспечивает работой большое количество людей и позволяет защитить большое количество диссертаций. Развитие науки можно представить как своего рода дарвиновский естественный отбор среди исследовательских программ; «истинность» здесь, вообще говоря, не при чем. Так, в «Фальсификации и методологии научно-исследовательских программ» [7] Лакатос обсуждает «старую» полуклассическую боровскую теорию атома как пример исключительно успешной исследовательской программы и резко критикует с этой точки зрения современную квантовую механику. Надо ли говорить, как отнесся бы к этому сам Бор, стремившийся в первую очередь не к эффективности, а к постижению истины.

Как бы то ни было, очень многие серьезные авторы отмечают симптомы глубокого кризиса современной естественной науки. В целом, наука как духовный и социальный феномен сталкивается с теми же болезнями, что и религия. Сюда относится, например, образование различных клановых школ-сект узкой направленности, которые с ходу отвергают чуждые мнения. Кроме того, появляются новые “отрасли” науки со своей логикой развития, посвященные внутренним проблемам языков программирования, компьютерного оформления документов, развлечений в виртуальном пространстве и т.д. В этих играх постепенно забывается и утрачивается роль человека.

Но даже он нам дать не сможет
Того... чего в него *не вложит*
Рука лукавого жреца.
(Н. Матвеева. Компьютер)

Красивые и внешне убедительные образы на экране компьютера в «условных цветах» вполне серьезно воспринимаются как реальность, в полной аналогии с массовым сознанием. Не только для пренебрежительно третируемого «человека с улицы», но и для интеллектуалов мир – это, в основном, то, что показывают на телеэкране (см. В. Пелевин, Generation П), и разница между домашним телевизором и монитором компьютера в этом смысле не принципиальна. Все это можно рассматривать как частный пример обесмысливания мира, то есть явления вполне эсхатологического.

Один из крупнейших физиков современности Р. Фейнман назвал выродившуюся науку, заботящуюся о финансировании больше, чем об истине, “наукой самолетопоклонников”. При этом он имел в виду некую секту тихоокеанских островитян, чья религия сводится к ритуалам, смысл которых им полностью непонятен (подражание вполне осмысленным – в своей области – действиям авиадиспетчеров). Как обсуждалось выше, “ритуальные” действия самолетопоклонников находят аналогии не только в естественных, но и в гуманитарных науках, особенно при их массовом применении. Например, различные психологические методики, такие как НЛП, на практике часто сводятся к чистой технике и отрываются от духовных корней. Вообще, массовое вовлечение неподготовленных людей в любую духовную деятельность (к которым по большому счету относится и наука) чревато утратой понимания ее исходного смысла.

«Нынешние адепты совершенно не понимают Дхарму и уподобляются баранам, обнюхивающим и облизывающим все, что попадает на их пути... Такие последователи

вступают в общину монахов с ложным сознанием, поднимая шум и скандал. Они не достойны называться людьми, по-настоящему покинувшими свой дом, а воистину являются обыкновенными домовладельцами» (Линцзи-лу – беседы дзенского патриарха).

Более тривиальные, но не менее реальные опасности для науки вызваны измельчением мотивации (житейское преуспеяние вместо стремления к истине).

«Но я заметил отсутствие *одной* черты во всех науках самолетопоклонников... Это научная честность, принцип научного мышления, соответствующий полнейшей честности, честности, доведенной до крайности. Например, если вы ставите эксперимент, вы должны сообщать обо всем, что, с вашей точки зрения, может сделать его несостоятельным... Если вы подозреваете, что какие-то детали могут поставить под сомнение вашу интерпретацию – приведите их... Итак, главный принцип – не дурачить самого себя... Здесь надо быть очень внимательным. А если вы не дурачите сами себя, вам легко будет не дурачить других ученых. Здесь нужна просто обычная честность... Люди... так стремятся к новым результатам в рекламных целях (чтобы получить больше денег), что готовы обесценить сами эксперименты, составляющие единственный смысл их деятельности» (Р. Фейнман [8]).

В историческом плане этот аспект кризиса науки связан, по-видимому, с изменением ее статуса во время Второй мировой войны, причем особую роль здесь сыграли американский и советский атомные проекты.

«Почти во все предыдущие эпохи в науку шли только те, кого не пугала суровость труда и скудость результатов... Честолюбивые люди, относящиеся к обществу недостаточно лояльно, или, выражаясь более изящно, не склонные терзаться из-за того, что тратятся чужие деньги, когда-то боялись научной карьеры как чумы. А со времен войны такого рода авантюристы, становившиеся раньше биржевыми маклерами или светочами страхового бизнеса, буквально наводнили науку. Нам пришлось отказываться от многих старых представлений. Мы все знали, что у ученых есть свои недостатки. Среди нас были педанты, любители спиртного, честолюбцы, но при нормальном положении вещей мы не ожидали встретить в своей среде лжецов и интриганов» (Н. Винер [9]).

Можно себе представить (и, к сожалению, подкрепить эти представления историческими примерами), во что превратилась бы религия, если бы стремление к житейскому преуспеянию стало бы основной мотивацией священнослужителей. Таким образом, основной постулат современной науки о возможности жесткого разделения субъекта и объекта познания подвергается серьезному испытанию не только в связи со сложными проблемами квантовой механики (см., например, «Крылья Феникса»). Само будущее науки сейчас в значительной степени определяется не ее внутренними трудностями, противоречиями и т.п., а тем тривиальным, на первый взгляд, обстоятельством, что науку делают люди, отягощенные всеми предрассудками и моральными болезнями своей эпохи и общества. В “массовой” науке, где все поставлено на поток, постепенно теряются ее личностные основы.

«Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем ее чисто интеллектуальные достижения. Последние зависят от величия характера в значительно большей степени, чем это обычно принято считать» (А. Эйнштейн [10]).

В связи с дороговизной серьезных экспериментальных установок и широким распространением компьютеров становится все труднее проверять результаты, полученные другими исследователями, и все меньше желающих этим заниматься. Если говорить о теоретической физике (идейной основе современного естествознания), можно еще отметить неоднозначное влияние прогресса математического аппарата на качество научной продукции: становится все легче публиковать работы, “очень похожие на настоящие”, но по существу бессодержательные (ситуация, аналогичная вырождению религии в сторону формальной “каббалистической” магии). Все это неизбежно приводит к росту доли неправильных и бесполезных работ в общем числе публикаций и, в тенденции, может обесмыслить научную работу как таковую.

«Кризис наук состоит не в границах их умения, а в сознании их смысла. С распадом целого перед неизмеримостью знания встал вопрос, стоит ли оно знания. Там, где знание, лишенное целостного мировоззрения, лишь правильно, оно ценится по причине технической пригодности. Оно погружается в бездонность того, что, собственно говоря, никого не интересует... Не имманентное развитие науки в достаточной мере объясняет кризис, а лишь человек, которого затрагивает научная ситуация. Не наука сама по себе, а он сам в ней находится в состоянии кризиса. Историко-социологическая причина этого кризиса заключена в массовом существовании. Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием... Огромное количество печатной научной продукции становится, наконец, в ряде областей выставкой хаотического потока, по существу, непонятых уже *capita mortua* [мертвая голова] некогда живого мышления в головах людей массы» (К. Ясперс [11]).

С другой стороны, в обществе в целом, а также в «научном сообществе» как его части растет понимание того, что нынешнее положение нетерпимо и что дальше так продолжаться не может. В отравленной духовной атмосфере современного «общества потребления» и наука, и религия подвержены опасным и неприятным мутациям. В обоих случаях корпоративные интересы профессиональных сообществ начинают доминировать над «сутью дела», если воспользоваться названием известного романа Грэма Грина.

Реакция на эти процессы тоже зачастую принимает не менее, если не более уродливые формы. В качестве общеизвестного примера можно привести возню вокруг так называемых «торсионных полей». Разумеется, само по себе стремление выйти за рамки современной физики не заслуживает осуждения. Беда как раз в недостаточной радикальности этого стремления и в необоснованных попытках распространить дух и методы современного естествознания на «запретную» область. Говорить о сознании как о «полевой форме материи», забыв весь духовный опыт человечества, – значит пытаться усвоить и развить худшее в нынешней науке – ее некорректные претензии на всеобщность и глобальность. Сомнительность экспериментальных результатов и теоретических построений является уже неизбежным следствием недопустимости подобных интерполяций. Фактический основоположник «торсионного» направления Н.А. Козырев (почти не упоминаемый в работах последователей, что тоже достаточно типично), по-видимому, основывался на каких-то личных мистических озарениях, к сожалению, под воздействием сциентистского «духа времени» изложенных в неадекватной «естественнонаучной» форме. Сейчас это вполне процветающая отрасль шоу-бизнеса, вполне успешно конкурирующая по «товарообороту» с официальной академической

российской наукой. Последняя, в свою очередь, слишком озабочена проблемами своего престижа, да и физического выживания, чтобы всерьез беспокоиться о каком-то там «духовном измерении». В результате официальная «борьба с лженаукой», несмотря на основательность предпосылок, воспринимается обществом скорее в контексте банальных рыночных разборок, чем как свидетельство заботы о духовном здоровье страны. К большому сожалению, этот же рыночный привкус ощущается и в религиозной жизни, например, в действительно очень непростом и болезненном вопросе о взаимоотношениях различных христианских конфессий. Впрочем, как неоднократно подчеркивалось выше, и на благополучном по нашим меркам Западе забота о привлекательности упаковки (все равно – жевательной резинки, «духовных учений» или научных результатов) давно уже оттеснила заботу об Истине.

Мы полагаем поэтому, что механически понимаемый «возврат» к традиции способен лишь усугубить кризис современной науки. Рассмотренные выше попытки такого возврата апеллируют не к религиозным, а к магическим аспектам традиции.

«Надеюсь, в свое время мы [бесы] так научимся разбавлять науку эмоциями и мифами, что вера в нас (под измененным названием) проберется и обоснуется в них, тогда как душа человека останется закрытой для веры во Врага [т.е. в Бога; текст написан от имени беса]... Если нам когда-либо удастся создать изделие высшего качества – мага-материалиста, не только использующего, но и почитающего то, что он туманно и расплывчато называет “силами”, отрицая при этом невидимый мир, мы будем близки к победному концу» (К. Льюис. Письма Баламута [12]).

“Прагматическое” язычество, несомненно, «хуже» (опаснее) материализма, потому что дает *больше* возможностей, которые легко могут быть использованы в дурных или темных целях, а также укрепляет человеческую глупость, эгоизм и чувство собственной важности.

Разумеется, мы не хотим сказать, что ситуация с наукой – какая-то *особенно* неблагоприятная. Речь идет о явлениях вполне глобальных, просто нам лично проще проследить общие эсхатологические процессы на примерах, связанных с профессиональной деятельностью. Другие, вероятно, могли бы написать лучше об эсхатологии современного бизнеса, современной политики, современного парикмахерского искусства, и т.д., и т.п. У мира как целого надежды, в общем, нет. Но надежда всегда есть у личности, у внутреннего человека, ибо Тот, Кто в нас больше того, кто в мире (1 Иоанна 4:4).

Снаружи – студеной ночью пустыни. Эта, другая ночь – внутри – разгорается все жарче.

Пусть ландшафт покрыла колючая корка, здесь у нас мягкий сад.

Континенты взорваны, города и селения – все превращается в сожженный почерневший шар.

Услышанные нами новости полны скорби об этом будущем,

но настоящая новость здесь, внутри,

состоит в том, что вообще нет никаких новостей.

(Руми. Диван, пер. Л. Тираспольского)

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаккаватти Сиханада Сутта. Львиный рык миродержца (пер. с пали А. В. Парибка), см. <http://dhamma.ru/canon/dn26.htm>
2. Васубандху. Абхидхармакоша. Раздел 3,4. М., 2001; см. также <http://www.philosophy.ru/library/asiatica/buddhica/vasubandhu/3.html>
3. Л. Кэрролл, Дж. Тоубер. Дети Индиго. Новые дети пришли. Киев, София, 2003.
4. В.Ю. Ирхин, М.И. Кацнельсон. Крылья Феникса. Введение в квантовую метафизику. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2004, см. также <http://lib.ru/FILOSOF/IRHIN/fenix.txt>
5. В.О. Пелевин. Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда. М., Эксмо, 2004.
6. В.Ю. Ирхин, М.И. Кацнельсон. Уставы небес. Шестнадцать глав о науке и вере. Екатеринбург, У-Фактория, 2000, см. также <http://lib.ru/FILOSOF/IRHIN/owere.txt>
7. И. Лакатос. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ, см. <http://www.philosophy.ru/library/lakat/01/0.html>
8. Р. Фейнман. Успехи физ. наук, 1986, т. 148, с. 509.
9. Н. Винер. Я - математик. М., Наука, 1967.
10. А. Эйнштейн. Собр. научн. трудов, т.4. М., Наука, 1967, с.193.
11. К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., Политиздат, 1991.
12. К.С. Льюис. Любовь. Надежда. Страдание. М., Республика, 1992.